

УДК 340.11; 343.9
ББК 67.1; 67.51
DOI 10.52433/01316761_2024_02_56
EDN: IWEAUW

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ЕВСЕЕВ НОВОЕ О М.Н. ГЕРНЕТЕ

ALEKSANDR PETROVICH EVSEEV
MORE ABOUT M.N. GERNET

Аннотация. Статья посвящена малоизученным страницам жизни и деятельности крупного советского криминолога М.Н. Гернета. Основываясь на неопубликованных работах ученого, находящихся в рукописном фонде Российской государственной библиотеки (РГБ), автор раскрывает некоторые ранее неизвестные факты из его биографии. В научный оборот вводятся написанные в первой четверти XX века работы, которые давно не переиздавались, но по-прежнему представляют интерес для научной общественности. Сделан вывод о непреходящем значении трудов М.Н. Гернета.

Ключевые слова: М.Н. Гернет, история криминологии, преступность в СССР, кабинеты по изучению личности преступника, социология преступности

Abstract. The article is devoted to the little-studied pages of the life and work of the prominent Soviet criminologist M.N. Gernet. Based on the unpublished works of the scientist, kept in the manuscript fund of the Russian State Library (RSL), the author reveals some previously unknown facts from his biography. Works written in the first quarter of the XXth century, which have not been republished for a long time, but are still of interest to the scientific community, are introduced into scientific circulation. The conclusion is made about the enduring significance of the works of M.N. Gernet.

Keywords: M.N. Gernet, history of criminology, criminality in the USSR, laboratories for the study of the personality of a criminal, sociology of crime

**АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
ЕВСЕЕВ**

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
доцент департамента
уголовного права, процесса и
криминалистики,
кандидат юридических наук,
доцент
г. Москва, Россия

**ALEKSANDR PETROVICH
EVSEEV**

The National Research University
Higher School of Economics (HSE
University), Associate Professor of
the Department of Criminal Law,
Procedure and Criminalistics
Candidate of Laws, Associate
Professor
Moscow, Russia
apevseyev@gmail.com

Ссылка для цитирования статьи:

Евсеев А.П. Новое о М.Н. Гернете // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 56–65.

Вступительные замечания

На первый взгляд, личность и творчество крупнейшего русского советского криминолога Михаила Николаевича Гернета (1874–1953) являются одними из наиболее изученных среди прочих ярких имен отечественной юриспруденции. Ему посвящали биографические очерки А.А. Герцензон¹, И.И. Карпец², М.Д. Шаргородский³, в наши дни – П.А. Филиппов⁴. Его книги неоднократно переиздавались после смерти⁵. А совсем недавно, в октябре 2022 года, в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – ИЗиСП)

прошли научные чтения, посвященные памяти ученого, материалы которых опубликованы в «Журнале российского права»⁶. Трудно поверить, но на Западе сейчас активно изучают достижения советских криминологов 1920-х гг., в том числе героя нашей статьи⁷. Впрочем, и при жизни Гернет не был обделен признанием. Он первым из юристов, еще в 1928 году, был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки, а в 1947 году – Сталинской премии за свой фундаментальный труд «История царской тюрьмы». С ним состояли в переписке М. Горький, А. Франс, А.Ф. Кони, написавший ему около 100 писем, многие другие выдающиеся люди. Да и сейчас в печати встречаются заметки об отце советской криминологии⁸. С учетом изложено-

¹ См.: Герцензон А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953 гг.) // Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. М., 1960. С. 7–43.

² См.: Карпец И.И. О теоретических концепциях М.Н. Гернета по проблемам преступности // Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 614–622.

³ См.: Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 8–37.

⁴ См.: Филиппов П.А. Профессор Гернет М.Н.: жизнь и научно-творческая деятельность. М., 2015.

⁵ См.: Гернет М.Н. Инстинкт заключенного: очерки тюремной психологии. М., 2020.

⁶ Ямашева Е.В., Печегин Д.А. Обзор Международной научно-практической конференции – Научных чтений, посвященных памяти профессора М.Н. Гернета, на тему «Уголовная политика в условиях эволюции общества» // Журнал российского права. 2023. Т. 27. Вып. № 1. С. 52–67.

⁷ См.: Retish A. The birth of soviet criminology: Mikhail Gernet's vision of the good state and the dangers of the people in 1917 // Journal of modern Russian history and historiography. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 184–213.

⁸ См.: Назаренко М. «На всем свияжском склоне уже трудно найти что-то, кроме новых помпезных особенностей» // <https://ulpressa.ru/2019/07/25/>

го редко кто осмелится сказать, что «мы не знаем Гернета».

Однако это знание – кажущееся. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки, где хранится личный фонд Гернета, до сих пор находятся отрывки из воспоминаний, неопубликованные рукописи, письма, маргиналии, словом, все то, что формирует внутренний мир человека, доступ в который зачастую можно получить только после его смерти. Но именно эти материалы и дают представление о правдивом, лишенном парадного лоска образе Гернета-мученика (полностью лишившегося зрения к 1942 г., но не утратившего вкуса к научной работе), Гернета – превосходного стилиста (к чему мы еще не раз вернемся), Гернета-новатора, не боявшегося вместе со своими единомышленниками спускаться, как тогда говорили, «в самые нижние этажи общественного здания». Именно этим, пока слабо изученным аспектам жизни и деятельности ученого посвящена настоящая публикация.

Детство

В официальных биографиях указывалось, что Гернет родился в небольшом городке Ардатове в семье профессионального революционера, осужденного по делу Каракозова и сосланного на Вологодчину, а затем в Симбирскую губернию. Считается даже, что именно семейная атмосфера во многом определила то обстоятельство, что со временем Гернет-младший проявлял повышенный интерес к марксизму, организовал нелегальный кружок по изучению «Капитала», а в 1911 году, уже будучи приват-доцентом Императорского Московского университета, покинул его в знак протеста против действий администрации⁹. Однако, по воспоминаниям самого Гернета, семейная обстановка располагала скорее к домашнему уюту и самосовершенствованию.

⁹ Герцензон А. Указ. соч. С. 7–10.

Неслучайно сестра ученого – Надежда Николаевна Гернет – стала крупнейшим русским математиком, преподавателем женских Бестужевских курсов, а впоследствии – профессором ЛГУ.

Вот как вспоминал о своем детстве сам Михаил Николаевич: «Весной 1886 г. отец повез меня из Ардатова за 22 версты в Алатырь, и мы вернулись оттуда оба не без гордости: на моей голове красовалась синяя фуражка гимназиста. Насколько серьезно относились родители к моему ученью, видно из того, что они не остановились перед жизнью врозь только бы следить самим за моим учением: мать со мной и тремя другими младшими детьми переехала в Алатырь, а отец остался в Ардатове. Впрочем, каждую субботу мы уезжали домой в Ардатов, возвращаясь оттуда в Алатырь вечером в воскресенье. Такая поездка брала всего 2 часа времени, а лошади были свои и тройка хороших лошадей быстро и без усталости для нас мчала туда и обратно. Однако уже через три месяца после начала ученья оно оборвалось, так как отца перевели на службу в губернский город Симбирск и, как помнится, с января 1887 года я стал учеником второго класса Симбирской гимназии, которую и окончил в 1893 г.»¹⁰.

К сказанному остается добавить, что директором Симбирской гимназии до 1889 года был отец А.Ф. Керенского – Ф.М. Керенский, а отец будущего ученого – титулярный советник Николай Александрович Гернет, несмотря на, казалось бы, репутацию неблагоданного человека, занимал пост помощника управляющего Симбирской удельной конторой, который помог ему получить крестный отец В.И. Ленина – А.Ф. Белокрысенко – выпускник Харьковского университета, лично знакомый с классиком украинской литературы Т.Г. Шевченко. Белокрысенко, занимавший пост управляющего конторой, решил поговорить о судьбе молодого

¹⁰ ОР РГБ им. Ленина. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 15.

человека с И.Н. Ульяновым, отцом будущего вождя мирового пролетариата, который посоветовал обосновать ходатайство о переводе нехваткой квалифицированных кадров. Таким образом, Н.А. Гернет был переведен в Симбирск. В этом городе семья занимала двухэтажный особняк на улице Покровской (ныне улица Л. Толстого, 8), сохранившийся и по сию пору.

Но вернемся к воспоминаниям ученого: «Очень хорошая библиотека отца позволяла мне много читать и подготавливаться к урокам глубже, чем давал объяснения преподаватель. При ответах меня охватывало даже вдохновение, и товарищи слушали меня внимательнее, чем самого учителя, очень плохого оратора»¹¹. Об атмосфере любви к детям, царившей в доме Гернетов, свидетельствует следующий факт. Сочинения по русскому языку в младших классах за маленького Мишу писали отец или мать, соперничавшие между собой. «Отец писал очень обстоятельно и пространно, а мать коротко, и преподаватель оценивал сочинения матери лучшими баллами, нежели сочинения отца. Зато отец преуспевал в решении трудных задач...»¹²

В конечном счете Михаил Николаевич по окончании гимназии избрал юридический факультет Императорского Московского университета, чтобы стать адвокатом или «Плевакой», как говорил его отец. «Юридический факультет был и в более близком Казанском университете, но так как юридический факультет Московского университета славился своими профессорами... и вообще считался выше Казанского, то родители не остановились перед более значительными затратами и я с осени 1893 года стал студентом-юристом Московского университета. Отец принял трогательное участие в моем устройстве в Москве»¹³.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Адвокатура

По счастью, М.Н. Гернету удалось осуществить свою мечту. Несмотря на то, что широкую известность он приобрел как научный работник, мало кто знает, что начал он как присяжный поверенный. Более того, его первая публикация в юридическом издании, увидевшая свет в 1897 году, как раз была посвящена вопросам адвокатской этики. В ней автор рассуждает над тем, стоит ли адвокату браться за дела, «нравственно правые, но юридически безнадежные»¹⁴. «Стоит!» – убежден молодой юрист. Стоит хотя бы потому, что «суд есть не только суд, где лишь применяется готовый закон, но есть и лаборатория права будущего и вместе с тем школа для общества, клиника, где объясняются и показываются общественные язвы»¹⁵. Неслучайно во Франции, по утверждению Гернета, «суды не ограничивают своих обязанностей охранением и восстановлением нарушенного права, они выходят из тесных границ закона в широкую область правды и решительно высказывают порицание поведению, которое, не заключая в себе признаков правонарушительного действия, противоречит, однако, требованиям морали»¹⁶. Вот почему, резюмирует автор, «адвокат должен при выборе дел обращать свое преимущественное внимание на их нравственную сторону, общественное значение, их же юридическая сторона должна стоять у него на втором плане»¹⁷. В этих словах молодого Гернета еще в абстрактной форме, но уже достаточно отчетливо выражены особенности его будущего стиля – обращение к сравнительному методу, любовь к слову, гуманистический потенциал того, о чем он пишет, и мотивы социальной критики.

¹⁴ Гернет М. Вопрос адвокатской этики // Юридическая газета. 1897. № 63. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Насколько сам адвокат Гернет придерживался изложенного подхода?

А.Н. Верещагин, современный исследователь кассационной практики Правительствующего Сената, обнаружил, что в нашумевшем в свое время деле Саловых герой нашего очерка представлял наследников убийцы. Кратко напомним его суть. Супружеская пара Саловых, зажиточная и бездетная, проживала во Владимире. Жена составила нотариальное завещание в пользу мужа, но потом передумала и составила уже домашнее завещание в пользу своей сестры. На следующий день ее обнаружили убитой. В результате муж был признан виновным в убийстве и отправился на каторгу. Однако нотариальное завещание в его пользу, не будучи отменено должным образом завещателем, сохранило силу и было утверждено судом. Тогда сестра убитой принялась его оспаривать. В конечном итоге в 1906 году Правительствующий Сенат принял решение в пользу сестры¹⁸. Как видим, налицо существенный вопрос, имеющий как правовое, так и моральное значение, — вправе ли убийца наследовать убитому им наследодателю?

А.Н. Верещагин также обнаружил в архивах любопытный факт, который прежде не афишировался. 28 апреля 1917 г., уже после Февральской революции, Гернет, бывший тогда профессором уголовного права в Психоневрологическом институте в Петрограде, назначен к присутствованию в Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената, высшего судебного органа России. Вместе с ним были назначены П.И. Люблинский, тоже видный криминолог и многолетний соратник Гернета по научной работе¹⁹, и Н.Н. Полянский, известный процессуалист, в советские

годы предпочитавший умалчивать об этом факте своей биографии²⁰. Однако, как известно, Правительствующий Сенат проработал крайне непродолжительное время и был распущен большевиками 22 ноября того же года.

К 1917 году относятся две небольшие брошюры Гернета, увидевшие свет в популярной серии «Библиотека гражданина»: «Равенство» и «Суд или самосуд». В первой из них автор рисует впечатляющую, многогранную, во многих случаях художественно яркую картину того положения, в котором находились национальные меньшинства, прежде всего евреи, в «тюрьме народов», которой казалась ему царская Россия. Гернет находит удачный образ: «Старое правительство, попирая идею равенства в деле веры, ставило полицейского между Богом и молящимся. Полицейский преграждал дорогу к этому Богу еврею, сектанту, старообрядцу и вел к нему же, под своим конвоем, — православного»²¹.

Во второй работе Гернет обращался к чрезвычайно актуальной в первые дни Февральской революции проблеме — самосудам. Приводя чудовищные, леденящие кровь примеры народных расправ с мелкими воришками, Гернет объяснял их традициями бесправия, в котором долгие столетия существовал русский народ. «Суд должен быть школою уважения к законности и порядку, а у нас он был как будто школою самосуда и беззакония. Он не воспитывал, а часто прямо развращал народ... Как было бы важно, если бы народ сумел стряхнуть с себя все то грязное, что он бессознательно впитал в себя, видя дурные примеры всякого произвола старой власти и ее полного неуважения к правам личности гражданина»²².

В связи с этим обращает на себя внимание критическое замечание, сделанное

¹⁸ См.: Верещагин А.Н. Кассационный Сенат (1866–1917): очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М., 2022. С. 419.

¹⁹ Этому деятелю науки посвящена наша статья. См.: Евсеев А.П. П.И. Люблинский как криминолог (к 85-летию со дня смерти) // Закон. 2023. № 8. С. 79–94.

²⁰ Верещагин А.Н. Указ. соч. С. 572.

²¹ Гернет М. Н. Равенство. М., 1917. С. 18, 19.

²² Гернет М. Н. Суд или самосуд. М., 1917. С. 12, 13.

Гернетом в адрес «партии так называемых большевиков»²³, которое несколько лет спустя могло стоить ему головы. Всячески настаивая на необходимости соблюдать новые, прогрессивные законы, введенные Временным правительством, он предупреждал об опасности тех политических сил, которые «создают своими действиями в народе чрезвычайно напряженное, неспокойное состояние, полную неуверенность в завтрашнем дне»²⁴. Именно так он оценивал задуманное большевиками вооруженное шествие по улицам Петрограда, рисковавшее превратиться в кровавую бойню, против которого выступил даже исполком Петросовета.

Научная деятельность

После революции Гернет вернулся в Московский университет на факультет общественных наук (далее – ФОН), в который в 1919 году был преобразован юридический факультет (в своем нынешнем виде юрфак будет воссоздан лишь в годы Великой Отечественной войны). «Вместе с преподаванием, – писал Гернет, – я возвратился к моей прежней работе по заведыванию музеем криминологии и по руководству библиотекой бывшего юридического факультета»²⁵. Именно в те тяжелые, но полные энтузиазма первые годы советской власти Гернету удалось в полной мере воспользоваться возможностями, которые открыла новая жизнь. В МГУ он организовывал вечера тюремной музыки и поэзии, приглашал бывших политкаторжан, в том числе В.Н. Фигнер, на встречи со студентами. В архиве сохранились ее письма Гернету. На небольших, исписанных со всех сторон квадратных листках бумаги мелким убористым почерком старой польщицы она согласовывает дату своего выступления...

Позднее, в 1922 году, когда будет отмечаться 70-летие В.Н. Фигнер, он посвятит ей статью «Народовольцы на эшафоте», которая увидит свет в журнале «Право и жизнь» – главном рупоре либеральной профессуры тех лет, чудом уцелевшей в революционных бурях. Прочитируем небольшой фрагмент из нее:

«В потемках ночи казни нам светит лучезарным блеском сам казнимый. Он светит так ослепительно ярко, что мы уже не видим ни виселицы, ни палача, ни других исполнителей казни и не можем, не в силах, оторвать глаза от него, отдающего свою жизнь...»²⁶ И далее: «Говорить в день рождения о смерти вообще не принято, а тем более самим рожденникам. Но о всякой ли смерти нельзя говорить? Смерть смерти рознь. Мы будем говорить о совершенно особой, исключительной смерти, смерти революционеров. Воспоминания о такой смерти мы смело несем, как наш подарок, семидесятилетней рожденнице»²⁷.

В этой статье, ныне забытой и почти не цитируемой, Гернет обращался к любопытному процессуальному вопросу, который не менее актуален в сегодняшней России, где преступления наподобие массовых беспорядков или насильственного захвата власти выведены из-под юрисдикции суда присяжных. Дело в том, что еще до рассмотрения дела по сути народоволец А.И. Желябов заявил отвод всему составу Особого присутствия Правительствующего Сената, в чью юрисдикцию входило рассмотрение дела о покушении на Государя. «Считая, что судьей должен быть сам народ или правильно избранное учредительное собрание, – писал Гернет, – он требовал передачи рассмотрения дела на суд представителей общественной совести – присяжных заседателей. Отрицание за коронным судом, как слугою императорского правительства и заинтересованною

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ ОР РГБ им. Ленина. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 16.

²⁶ Гернет М. Народовольцы на эшафоте // Право и жизнь. 1922. Кн. 2. С. 78.

²⁷ Там же.

стороною, права производить суд стало обычным в процессах народовольцев»²⁸. Благодаря этому становится понятнее следующее поведение революционеров на суде, уже после оглашения приговора – отказ от обжалования последнего, коль скоро коронный суд, с их точки зрения, не вправе производить разбирательство. Подача же прошения о помиловании виделась им абсолютно неприемлемой, хотя, по свидетельству В.Н. Фигнер, к ней приходил зритель Дома предварительного заключения с таким предложением, которое было безоговорочно отринуту (тем не менее смертная казнь была заменена ей бессрочной каторгой). «Получалось странное положение, – писал Гернет, – представители власти оказывались «просителями» у приговоренного к казни, а приговоренный отвергал их просьбы о собственном своем помиловании»²⁹. Впрочем, советская власть подобных вольностей уже не допускала...

Много доброго сделал Гернет за десятилетия своей работы в МГУ. Мало кто знает, что именно ему факультет обязан библиотекой профессора Н.С. Таганцева. Узнав о том, что она находится в Нижнем Новгороде, Гернет отправился туда в командировку и привез ценнейшую коллекцию книг по уголовному праву на русском и иностранных языках³⁰. Как сказали бы сейчас, «наполнением библиотечных фондов» Гернет будет заниматься и впредь, свидетельством чего может служить его месячная командировка в Лондон и Брюссель в 1925 году с целью приобретения книг для только что созданного Государственного института по изучению преступности и преступника³¹ (далее – ГИИП, Институт) – быть может, главного дела жизни ученого. Об этой поездке сам Гернет рассказал в докладе на пленарном собрании Института 20 января

1926 г., опубликованном в первом выпуске «Проблем преступности» – периодическом издании ГИИП, многие статьи которого читаются сегодня так же живо, как и столетие назад.

Нарисовав впечатляющую картину английской жизни, в которой причудливо переплелось старое и новое, Гернет рассказал, как, получив от директора Института Е.Г. Ширвиндта две тысячи рублей, приобретал в Лондоне иностранные научные журналы, материалы законодательных прений, новейшие издания уголовных кодексов основных капиталистических государств. Кроме того, Гернет побывал на рассмотрении дела в ювенальном суде, оговорившись при этом, что «вызываемые агенты полиции не имеют права являться сюда в форме, а обязаны переодеться в штатское платье, так как судья считает, что присутствие на заседании детского суда полицейского в форме разрушало бы ту обстановку простоты, которую хочет создать детский судья»³². Он посетил борстальское учреждение для молодых преступников в Фельтаме, а также лично познакомился в Брюсселе с доктором Верваком – руководителем первого в Европе криминологического кабинета по изучению личности преступника. Полученные в ходе зарубежной командировки впечатления во многом определили деятельность созданного им кабинета по изучению личности преступника и преступности, позднее преобразованного в ГИИП.

Нам, живущим в 2020-е годы, сложно представить, какой была научная жизнь в Советской России век назад. Не будет отступлением от истины сказать, что в целом, несмотря на многочисленные революционные эксцессы, 1920-е годы характеризовались раскрепощенностью мысли, творческими поисками, смелым новаторством. У писателей, в том числе «юридических», было рожденное революцией стремление

²⁸ Гернет М. Народовольцы на эшафоте. С. 82, 83.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ ОР РГБ им. Ленина. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 16.

³¹ В настоящее время Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

³² Гернет М. Месяц за границей // Проблемы преступности. 1926. Вып. 1. С. 45.

постичь тайны великого, вечного, непреходящего. Много говорили о гениях, гениальности, часто «перехлестывая» в своих суждениях через край. А может, действительно прав был русский философ Н.А. Бердяев, утверждавший, что «культ святости должен быть заменен культом гениальности»? И не служит ли сама жизнь Гернета лишним тому подтверждением?

Весной 1923 года в Доме ученых на Пречистенке ответственный работник Моссовета В.Л. Орлеанский собрал известных криминалистов, среди которых были М.Н. Гернет, П.И. Люблинский, М.М. Исаев, психиатр П.Б. Ганнушкин (выведенный в булгаковском романе «Мастер и Маргарита» под именем профессора Стравинского), учитель Питирима Сорокина А.А. Жижиленко, и предложил провести им анкетирование арестантов московских исправдомов: в Большом Харитоньевском переулке, на Шаболовке и др. М.Н. Гернетом была разработана специальная анкета, которая включала в себя две части: социально-криминологическую и психиатрическую (модная в те годы антропологическая часть так и не была реализована по причине отсутствия необходимых инструментов), после чего около 150 студентов ФОН занялись этой работой, как писал Гернет, «не жалея ни времени, ни сил, не стесняясь расстояниями, которые приходилось проходить (сам он жил тогда в подлинном смысле слова на выселках — на территории Лосино-Острова. — А.Е.), ни условиями работы, не всегда стоявшими на высоте скромных требований удобства»³³. Фактически ни до, ни после отечественная криминология не знала столь масштабного и репрезентативного исследования, не считая, конечно, переписи тюремного населения острова Сахалин, произведенного А.П. Чеховым во все в одиночку³⁴. В процессе заполнения

анкет и перепроверки полученных данных происходило немало курьезных случаев. Когда насторожившиеся арестанты убедились, что никакого подвоха нет и анкетирование проводится в сугубо научных целях, они даже стали «подбадривать» друг друга, призывая честно отвечать на поставленные вопросы. Гернету врезалась в память одна женщина — рецидивистка-воровка и проститутка, которая говорила своей соседке по опросу: «Говори всю правду: люди учатся!»³⁵

Результаты проведенного исследования были опубликованы в книге «Преступный мир Москвы», до сих пор не имеющей себе равных. Невозможно представить, что такое исследование могли осуществить люди 1920-х гг., зачастую не имевшие в своем распоряжении не то что персонального компьютера, а просто куска хлеба. Мотором этого исследования, его инициатором и вдохновителем был, разумеется, Гернет, опубликовавший в обозначенном труде два текста — обширное предисловие и главу, посвященную татуировкам в местах заключения Москвы (особенно впечатлила М.Н. Гернета татуировка, являющаяся точной копией картины Васнецова «Три богатыря» — как было им замечено, «иностранные преступники, насколько нам известно, «не додумались» до воспроизведения на своем теле великих произведений искусства»³⁶). В этой работе Гернет, наряду с глубокими познаниями криминолога, продемонстрировал всю мощь своего литературного дара.

«То крадучись, бесшумно и тихо, то умело разжигая страсти к наживе и легким барышам, льстиво втираясь в полное доверие своих жертв, то врываясь бурно и шумно, вооруженная с головы до ног, «Преступность» делает свое грозное дело и собирает в свои житницы то, чего она никогда не сеяла»³⁷. Или: «Преступность каждой стра-

³³ Преступный мир Москвы / под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. Ржев, 1924. С. IX.

³⁴ См.: Быть может, пригодятся и мои цифры... Материалы сахалинской переписи А.П. Чехова, 1890 год. Владивосток, 2005.

³⁵ Преступный мир Москвы. С. IX.

³⁶ Там же. С. 244.

³⁷ Там же. С. I.

ны имеет свою историю, своих «прославленных героев», записавших свои имена на ее страницы. Убийцы писали их кровью, растлители, насильники грязью, мошенники — золотом, но чем бы они [ни] писали их, многие из них остаются нестертыми рядом долгих прошедших лет и красуются в памяти широких кругов населения с такою свежестью и яркостью, как будто они сделаны вчера или третьего дня»³⁸.

Пройдут десятилетия, столетие, но никогда более в юридической науке не будет человека, который сможет сформулировать это так, как мог Гернет. В том же исследовании он обратил внимание на любопытную закономерность — Москва первой половины XIX века, даже пережив нашествие Наполеона, почти не знала преступности. Гернет описывает, как, просматривая периодику тех лет, он практически не видел криминальной хроники — излюбленного жанра московского обывателя полвека спустя. «Мне было смешно, — писал он, — когда после долгих и тщетных поисков «криминальных» происшествий в Москве, найдя, наконец, заметку о краже и покушении на самоубийство, я увидел, что она относится к Парижу»³⁹. Но с отменой крепостного права, Польским восстанием, Русско-турецкой войной, голодными годами, всероссийской и другими выставками картина преступности начинает меняться, как меняется лицо человека. «Кражи голодных годов искажают это лицо страданием, как процессы интендантов-воров турецкой кампании зажигают это лицо похотью наживы, как убийства помещиков крепостными в самой столице делает это лицо грозно-мстительным...»⁴⁰

Следует оговориться, что на страницах «Преступного мира Москвы» и других книг Гернета гроздьями рассыпаны идеи для будущих исследований. Например, в одной из своих работ он писал о необ-

ходимости постановки вопроса о «бюджете преступника»⁴¹ — на какие цели преступник тратит заработанные нечестным путем барыши, каков среднемесячный доход преступника того или иного «класса» и т.д.? Или возьмем, к примеру, проблему влияния войны на динамику преступности, которая представляется более чем актуальной сегодня. В своей неопубликованной рукописи Гернет обратил внимание на резкий ее спад в первые два года империалистической войны (1914–1915 гг.) и бурный рост, начавшийся с 1916 года и достигший своего апогея к весне 1917-го⁴². Ученый, насколько можно судить, вполне справедливо связал это не с «патриотическим подъемом» первых двух лет, а с уходом в действующую армию значительного числа мужчин, чаще совершающих преступления, нежели женщины, и запретом продажи спиртного. С 1916 года, когда в Россию массово стали возвращаться демобилизованные воины — раненые, завшивленные, прошедшие «окопную войну» и выработавшие на фронте презрение к смерти, преступность снова стала частой гостьей в российских городах и весях. Так что пути, намеченные Гернетом, еще ждут своих Вергилиев.

Сердце ученого перестало биться 16 января 1953 г. На его похороны прилетел из Нью-Йорка А.Я. Вышинский, уже начавший в то время чувствовать недомогание, но все равно отложивший все дела, чтобы отдать дань усопшему коллеге, которого считал гением. М.Н. Гернет похоронен на Введенском (Немецком) кладбище, на котором в 2011 году нашел свое вечное упокоение и его сын — Михаил Михайлович Гернет. Не так давно вандалы украли с надгробного памятника барельеф. Думается, его восстановление могло бы стать достойным занятием для продолжателей дела Герне-

³⁸ Преступный мир Москвы. С. II.

³⁹ Там же. С. XIII.

⁴⁰ Там же. С. XXI.

⁴¹ Гернет М.Н. Первые за границей и первая в СССР лаборатории по изучению преступности // Изучение личности преступника в СССР и за границей. М., 1925. С. 20.

⁴² ОР РГБ им. Ленина. Ф. 603. Карт. 2. Ед. хр. 16.

та в ИЗиСП, отметившем в 2023 году свой 100-летний юбилей.

Таковы малоизученные вехи жизненного пути этого талантливый, незаурядного, богато одаренного человека и, без преувеличения, блистательного ратора, память о котором жива и сегодня. Завершить статью хотелось бы теми же словами, которыми Гернет проводил в последний путь А.Ф. Кони: «Он никогда не знал поражений даже тогда, когда не достигал того, чего добивался. Потому, что тот, кто его читал, им зачитывался, кто его слушал, им заслушивался... Он умел говорить перед всяким слушателем и всегда умел всецело захватить его, найти верный путь в коллективное сердце, в коллективный ум своей аудитории, какова бы ни была она»⁴³. Да, таким был его идейный пастырь. Таким был он сам – выдающийся русский криминолог Михаил Николаевич Гернет.

Библиографический список

1. Быть может, пригодятся и мои цифры... Материалы сахалинской переписи А. П. Чехова, 1890 год. Владивосток: Рубеж, 2005. 599 с.
2. *Верещагин А.Н.* Кассационный Сенат (1866–1917): очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М.: Закон, 2022. 616 с.
3. *Гернет М.Н.* Анатолий Федорович Кони на исходе его «жизненного пути» // *Право и жизнь*. 1927. Кн. 6/7. С. I–V.
4. *Гернет М.* Вопрос адвокатской этики // *Юридическая газета*. 1897. № 63. С. 2, 3.
5. *Гернет М.* Месяц за границей // *Проблемы преступности*. 1926. Вып. 1. С. 34–59.
6. *Гернет М.Н.* Инстинкт заключенного: очерки тюремной психологии. М.: Алгоритм, 2020. 304 с.
7. *Гернет М.* Народовольцы на эшафоте // *Право и жизнь*. 1922. Кн. 2. С. 78–84.
8. *Гернет М.Н.* Первые за границей и первая в СССР лаборатории по изучению преступности // *Изучение личности преступника в СССР и за границей*. М.: Мосздравотдел, 1925. С. 7–20.
9. *Гернет М.Н.* Равенство. М.: Изд. Д.Я. Маковского, 1917. 32 с.
10. *Гернет М.Н.* Суд или самосуд. М.: Изд. Моск. союза потреб. общ-в, 1917. 14 с.
11. *Герцензон А.* Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953 гг.) // *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. М.: Госюриздат, 1960. С. 7–43.
12. *Евсеев А.П.* П.И. Люблинский как криминолог (к 85-летию со дня смерти) // *Закон*. 2023. № 8. С. 79–94.
13. *Карпец И.И.* О теоретических концепциях М.Н. Гернета по проблемам преступности // *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 614–622.
14. *Назаренко М.* «На всем свияжском склоне уже трудно найти что-то, кроме новых помпезных особняков» // <https://ulpressa.ru/2019/07/25/>
15. *Преступный мир Москвы* / под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. Ржев: Тип. Укоммунотдела, 1924. 246 с.
16. *Филиппов П.А.* Профессор Гернет М.Н.: жизнь и научно-творческая деятельность. М.: Зерцало, 2015. 88 с.
17. *Шаргородский М.Д.* Михаил Николаевич Гернет // *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 8–37.
18. *Ямашева Е.В., Печегин Д.А.* Обзор Международной научно-практической конференции – Научных чтений, посвященных памяти профессора М.Н. Гернета, на тему «Уголовная политика в условиях эволюции общества» // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. Вып. № 1. С. 52–67.
19. *Retish A.* The birth of soviet criminology: Mikhail Gernet's vision of the good state and the dangers of the people in 1917 // *Journal of modern Russian history and historiography*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 184–213.

⁴³ *Гернет М.Н.* Анатолий Федорович Кони на исходе его «жизненного пути» // *Право и жизнь*. 1927. Кн. 6/7. С. I.